

Цетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 1 2019]

*А.И. Солженицын
100 лет со дня рождения*

Фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

**Солженицын
Александр Исаевич
100 лет со дня рождения**

{ Февраль 2019 г. }

IN MEMORIAM
Николай Константинович
Гаврюшин
1946 – 2019

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология,
09.00.00 – Философские науки.

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет
Д.В. Бадовский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Моцелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, А.А. Ширинянц.

Тетради по консерватизму: Альманах. – № 1. – М.: Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2019. – 532 с.

Очередной номер альманаха «Тетради по консерватизму» приурочен к 100-летию со дня рождения видного русского писателя, мыслителя и публициста советской эпохи Александра Исаевича Солженицына. О роли и значении мыслителя для своей эпохи, а также о месте А.И. Солженицына в русской мысли в целом, размышляют отечественные и зарубежные авторы.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах «Тетради по консерватизму», 2019
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2019

Л.В. Поляков
Слово к читателю
8

Раздел первый

Солженицын. Личное

В.В. Аксютин
Мой Солженицын
13

Б.В. Межуев
Молчание и бездействие.
Размышления о политической судьбе Александра Солженицына
27

В.А. Щипков
Номиналистские предпосылки секуляризма и его актуальное значение
в России и на Западе
37

Б.Г. Дверницкий
Солженицын – юродивый России
46

А.Л. Казин
Радикализм как выбор: случай А.И. Солженицына
52

А.С. Ципко
Идеология «Русской партии» 1960-х: идейные истоки
в русской философии
59

Д.А. Юрьев
Советизм
73

Раздел второй

Солженицын: от Достоевского – в сегодня

О.С. Кругликова, К.А. Шаповалова
Ф.М. Достоевский и А.И. Солженицын: преемственность идей в публицистике
103

Б.Г. Дверницкий
Солженицын и философия русской словесности
118

С.В. Зеленин
Солженицын и Шаламов
131

А.Ю. Закуренко
Метафизика воли у героев Солженицына
159

Ю.С. Черняховская
Политический проект и критика недостатков социалистического строя:
А.И. Солженицын vs И.А. Ефремов
169

Раздел третий

Солженицын: патриотическая трагедия

Е.С. Холмогоров
Двенадцатый к «Письму одиннадцати»,
Солженицын и «Русская партия»: аспекты идеологического соседства
177

А.С. Ципко
Александр Солженицын о неразрывной связи русского патриотизма
с антисоветизмом. Основные идеи «Архипелага ГУЛАГ»
221

А.Ю. Минаков
«Двудюжий Шафаревич»
245

С.Ф. Черняховский
Солженицын и страна. Оценка неприятия
253

В.В. Аксючиц
Интеллигенция vs образованщина: родовые болезни русской интеллигенции
260

А.Б. Панченко
Публицистика А.И. Солженицына 1960–1970-х годов в контексте дискуссий
о нации и национальном вопросе
276

Раздел четвертый

Солженицын и «Русский мир»

А.С. Ципко
Украинский вопрос в творчестве Александра Солженицына
291

А.Д. Гронский
Александр Солженицын глазами белорусской публицистики
317

И.В. Желтикова, Е.И. Хохлова
А.И. Солженицын о будущем России: особенности видения
перспективы из различного исторического контекста
327

Раздел пятый

Солженицын: глобально

Пол Гренье
Легитимные разногласия: необходимость переосмыслить
наше восприятие американско-российских отношений
337

А.М. Руткевич
Либеральная демократия vs консервативный популизм
344

М.Ф. Купер
Солженицын и Китай
381

Игумен Виталий (Уткин)
Трансгуманизм: анализ российских публикаций и опыт формулирования
задач теологического осмысления трансгуманистических вызовов
409

И.Н. Тяпин
Либеральный тоталитаризм: основания концептуального синтеза
421

В.А. Щипков
Чужой среди «своих»? Несостоявшийся бунт Солженицына
432

Раздел шестой

К столетию со дня рождения А.И. Солженицына?

Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ
(Ведущий Л.В. Поляков)
439

Раздел седьмой

Сталин сегодня

Заседание Консервативного клуба, состоявшееся в Фонде ИСЭПИ
(Ведущий Л.В. Поляков)
487

Участники Круглых столов
531

Чужой среди «своих»? Несостоявшийся бунт Солженицына

В фигуре и творческой жизни Солженицына есть недосказанность и неоконченность.

Непрекращающийся спор о том, кем был Солженицын – «литературным власовцем» или русским почвенником, – говорит не о противоречивости и даже не о широте взглядов писателя и публициста, но о том, что сам Солженицын не смог при жизни оформить свои мысли и труды в единую систему взглядов. Солженицын был слишком современным, слишком сильно принадлежал XX веку, чья потрясающая действительность его захватывала и держала. Он боролся с этой действительностью, находя в этом и смысл, и воодушевление. Но чем дальше шла борьба и чем глубже писатель искал причины произошедших с Россией трагедий, тем очевиднее становилось, что для победы в этой борьбе необходимо подняться не только над советским миром, но и вообще над миром «современным», новоевропейским. Солженицын, как и вся культура второй половины XX века, жил с ощущением безвыходности Просвещения и тупика рациональности, что вело его мысль и дух к бунту. В то время это бунтарство вызывало, с одной стороны, масскультурный нигилистический постмодернизм, который оправдывал предательство и другие пороки, действовал весело и разрушительно, а с другой – религиозный антимодернизм, сосредоточенный на борьбе с секулярной догматикой и на возрождении ценностного и нравственно-религиозного мышления как единственной формы созидательного рационализма. В эпоху, на которую пришла жизнь Солженицына, между этими двумя направлениями постепенно завязывалась конкуренция. В наши дни она приобрела контрастные формы, однако в середине прошлого века, а тем более в советской действительности, они не всегда были различимы: постмодернизм и антимодернизм (антисекуляризм) сливались друг с другом.

Солженицын как писатель ощущал начало этого противоречия. В своих объяснениях сути XX века он часто приходил к нравственному измерению истории и говорил, что все проблемы – от нравственного упадка в жизни человека и общества. Однако он не пошел дальше и не объяснил, в чем причина этого нравственного падения, где и когда оно происходит в истории. Нет произведения, где бы Солженицын четко провел грань между антимодернизмом и постмодернизмом, антикоммунизмом и русофобией, причинами XX века и его следствиями. Он не создал историософского подхода, позволяющего выйти из перипетий и конфликтов XX века, не отрекаясь при этом от самой этой эпохи, от своей собственной истории.

Солженицын, без сомнений, желал бы перерасти диссидентскую партийность и выйти из тесного ампула советского правозащитного литератора, приобретя то состояние, в котором был бы свободен говорить на нравственные темы, заниматься историософией и смотреть на политические события на расстоянии. Но ему мешали два фактора – зависи-

Щипков Василий Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, директор Русской экспертной школы. E-mail: vas.ship@mail.ru

мость от диссидентского движения и зависимость от идеологии «современности», принявшей форму глобальной западной культуры. Проследить действие этих факторов можно на примере истории создания «Красного колеса».

Зависимость от диссидентского движения

За «Красное колесо» Солженицын взялся сразу после завершения «Архипелага ГУЛАГа», работал над ним с конца 1960-х годов до конца 1980-х. Третья часть романа, Узел III – «Март Семнадцатого», посвященная Февральской революции, самая большая. Она состоит из четырех томов. Хорошо известна следующая история, которую часто рассказывает сама Наталия Солженицына [1]. Первоначально писатель увенчал каждый том третьего «узла» романа обзорной публицистической статьей, в которой уже от своего собственного имени давал прямые политические и нравственные оценки описанным в романе историческим событиям. Как говорила позже Наталия Солженицына, «разрядил горячее сердце».

Однако Наталия Дмитриевна была категорически против этих вставок. Между ней и писателем началось противостояние: она требовала убрать публицистику. Ее главный аргумент заключался в том, что эти статьи противоречили концепции самого Солженицына: «Эти обзорные главы отличались от всего того, что было в «Красном колесе» прежде и противоречили его собственному принципу. Принцип его был такой: «я должен дать как можно более подробный, точный материал». ...В «Красном колесе» нет ни одного исторического факта, который не был бы дважды как минимум перекрестно проверен им из независимых источников. И у «Красного колеса» могут быть критики, могут быть несогласные с концепцией, с чем угодно, но практически мы не встретили поправок за все то время... поправок фактических» [1].

Обзорные статьи были изданы намного позже отдельным форматом и известны сегодня под названием «Размышления над Февральской революцией», а западный читатель с ними до сих пор не знаком (они переведены только на французский в 2007 году [2]). Они наполнены энергией, эмоциональны и убедительны. В них Солженицын выступает против революции вообще, против революции как политического метода и исторического феномена, который разделяет историческое течение времени, тело истории и тело народа. Когда Солженицын критикует явления временные – исторические фигуры царя и Сталина, советскую пенитенциарную систему – он говорит как правозащитник, политический деятель и даже как революционер. Когда он критикует революцию как метод и феномен – он становится мыслителем-традиционалистом. Именно таким мыслителем хотел в конце концов стать Солженицын.

Солженицын на протяжении нескольких лет в 1980-х годах то возвращался к идее оставить эти главы, то мучительно соглашался с требованием Наталии Дмитриевны. Как человек рациональный он принимал к сведению ее аргументы и убеждал себя в их правильности, но по дневниковым записям видно, что внутренне он с ними не соглашался. «Аля уже давно горячо убеждает меня снять четыре заключительных (по томам) обзорных главы из «Марта»: что это подрывает работу художника, высовывая вместо того публицистику, прямотой и резкостью опрокидывает достигнутое убеждение читателя и завоевание сердец; что это уязвимо для оппонентного цитирования. И правда: как всякая схема, эти главы самое важное всё равно не улавливают, оно в романе». «Я более полугодом сопротивлялся: есть наслаждение высказаться от себя прямо, довести суждения до точных формулировок. Да уже все четыре написаны, и переписаны, во 2й редакции. Там есть важные мысли, которые могут и ускользнуть от читателя «Марта» без них». Потом пишет: «Да, отделить четкие выводы от художественной ткани – это, кажется, неизбежный шаг». Потом через день еще: «Да, решил окончательно» [цит. по: 3].

Наталия Солженицына, вероятно, сыграла на его тщеславии, говоря, что роман «Красное колесо» сам по себе «убедителен» и «завоевывает сердца» читателей, что в нем главное уже изложено между строк, без вмешательства прямой речи автора.

Это правильное замечание, если говорить о большой литературе. М.А. Шолохов легким языком, без прямых авторских оценок и единого намека на публицистичность сформировал устойчивый образ Первой мировой и гражданской войн в русской и мировой культуре, создал то, что называется исторической правдой, и стал классиком. Но по силе образов и культурному значению «Красное колесо» не «Тихий Дон».

Писать подобно Шолохову Солженицын не умел. Но и полностью уходить из литературы в историческую науку не хотел. В этом была одна из его ошибок, в историософском жанре он мог достичь большего, как показало его более позднее произведение на историческую тематику «Двести лет вместе» [4].

Масштабный и проработанный в деталях исторический роман «Красное колесо» стал не живой частью культуры, а квалификационной работой, своеобразной докторской диссертацией в художественно-историческом жанре. «Красное колесо» – одно из таких произведений, которые остаются в памяти только своим названием, но не образами, не персонажами и не идеями.

При другом подходе автора «Красное колесо» могло бы стать полноценным историческим исследованием, описанием истории всего XX века и базовым историческим трудом о современной России. Тогда Солженицын вполне мог бы задать полноценное и самостоятельное направление в современной историографии и создать историко-культурную базу для преодоления исторических расколов, связанных с событиями XX столетия, в русской исторической памяти. Он был к этому склонен. Тогда бы Солженицын перерос себя как писателя-правозащитника и стал бы классиком.

В этом смысле одни публицистические вставки в «Красное колесо» конечно бы не изменили творческую судьбу Солженицына, но несколько оживили бы это произведение, сделали его звучание более сильным.

Почему же Наталия Дмитриевна выступила против? Очевидно, за этим стояли в большей степени политические причины.

Обзорные статьи в «Красном колесе» привлекли бы внимание на Западе – они короткие и ясные. Они бы резюмировали все это многотомное произведение и направили дискуссию по необходимому Солженицыну пути. Но правила игры таковы, что, встав на путь критики советской власти, Солженицын не мог свободно направлять дискуссию: правила диссидентской драматургии требовали от него подбрасывать уголь в топку антисоветской машины, а право решать, куда она поедет, предоставлялось уже другим.

Вероятно, Наталия Дмитриевна понимала, что Солженицына взяли в мировой литературный истеблишмент лишь за одно произведение – «Архипелаг ГУЛАГ»¹, политиче-

¹ Известно, что Нобелевскую премию Солженицын получил в 1970 году, за три года до первого выхода «Архипелага ГУЛАГа» в Париже. Однако сам роман был закончен в 1968-м. Когда в 1973 году усилилось давление на писателя, Солженицын дал указание публиковать произведение на Западе (Париж, 1973). При этом сама рукопись была тайно вывезена в Париж задолго до этого, еще в 1968 году, и хранилась там в эмигрантском издательстве «YMCA-Press». Все эти годы Солженицын ждал наиболее благоприятного момента, когда можно будет ее опубликовать, однако не спешил, поскольку понимал, что это даст повод советской власти его арестовать. Писатель же в это время активно работал над «Красным колесом», жил активной творческой, политической и семейной жизнью. После смерти помощницы Солженицына Воронянской в 1973 году, которая не выдержала давления и выдала органам рукопись «Архипелага» (после чего наложила на себя руки), Солженицын примет решение публиковать «Архипелаг» за границей. Эмоциональный момент принятия этого решения он опишет в «Бодался теленок с дубом»: «Ни часа, ни даже минуты уныния я не успел испытать в этот раз. Жаль было бедную опрометчивую женщину с её порывом –

ски актуализированный ремейк «Записок из Мертвого дома» Достоевского. Не за литературный дар или нравственный взгляд, но за разработку антисоветского бренда. Кроме «Архипелага» политическому Западу от Солженицына ничего не было нужно: «Архипелаг» переведен на сорок языков, а «Красное колесо» – только на два.

Но Солженицын хотел сохранить эти вставки, потому что они были для него смыслом всей двадцатилетней работы над романом. Его полугодичное колебание и нерешительность говорят об одном: он чувствовал, что не имеет достаточной литературной силы, для того чтобы выразить свои идеи без прямого, публицистического высказывания. Для него эти статьи были не приложением к роману: само «Красное колесо» было многотомным приложением, иллюстрацией к этим коротким статьям. Солженицын писал многостраничный труд только ради того, чтобы придать вес своей позиции, которую он позже опубликует в форме «Размышлений над Февральской революцией». Вставки получили бы за счет романа силу и вес, стали бы ключевым элементом, ключом всего романа, и через него могли бы влиять на историческую память народа.

Разорвав органическую связь обзорных статей и романа, Солженицын лишил эти статьи основательности и поставил их в один ряд со всей остальной своей публицистикой, а роман лишил цели и цельности. В итоге мысли Солженицына о революции прозвучали не с достаточной силой.

Желание создать большой труд о революции появилось у Солженицына в семнадцать лет, и всю жизнь он считал это своей главной жизненной задачей [5]. Человек, склонный к масштабному мышлению, он хотел создать эпос и через это остаться в истории.

Но в силу особенностей своего характера и жизненных обстоятельств, его творческая жизнь сложилась иначе. Он стал известным не как создатель чего-то большого, а как его ниспровергатель. Очевидно, что вначале он хотел решить внешнюю проблему, побороть несправедливость, победить зло, пусть даже иногда с опорой на желание сатисфакции или примитивную по духу политическую энергию. Согласно этой логике, только когда зло будет разрушено, можно будет создать что-то красивое и положительное. Свои политические и правозащитные усилия в литературе он всю жизнь воспринимал как временную необходимость, но в итоге стал их заложником.

сохранить эту книгу лучше меня, и вот погубившую – и её, и себя, и многих. Но, достаточно уже учёный на таких изломах, я в шевеленьи волос теменных провижу: Божий перст! Это ты! Благодарю за науку! Во всём этом август-сентябрьском бою, при всём нашем громком выигрыше – разве бы я сам решился? разве понял бы, что пришло время пускать «Архипелаг»? Наверняка – нет, все так же бы – откладывал на весну 75-го, мнимо-покойно сидя на бочках пороховых. Но перст промелькнул: что спишь, ленивый раб? Время давно пришло, и прошло, – открывай!!!». Солженицын в это время, после публикации в 1962 году «Одного дня Ивана Денисовича» в «Новом мире», уже стал известной фигурой как в СССР, так и на Западе, а после публичного осуждения «Пражской весны» стал своего рода оппозиционным политиком, открытым противником советской власти. Резонансность заявлений Солженицына и уровень его политического значения вовлекли его в масштабную политическую борьбу с большим количеством участников. Вокруг фигуры писателя началась идеологическая и геополитическая борьба. Можно предположить, что западные политические круги или спецслужбы узнали о существовании «Архипелага» вскоре после того, как роман был закончен, и тем более когда фотокопии рукописи попали в YMCA-Press». Основа для международной политической акции была готова, а вопрос о времени публикации стал вторичным, тактическим: момент должен был выбрать писатель. Но, попав на Запад, сама рукопись уже перестала принадлежать Солженицыну: было понятно, что она в любом случае будет однажды опубликована. Наличие этой «бомбы» отложенного действия, которую писатель решит «взорвать» (по его собственным словам) в 1973 году, могло стать окончательным доводом в пользу того, чтобы присудить ему Нобелевскую премию и ввести его в мировой культурный и правозащитный истеблишмент.

Зависимость от идеологии «современности»

Тот вызов всему XX веку, который пытался бросить Солженицын, требовал опоры на что-то находящееся вне узких рамок этого идеологизированного столетия. В политической деятельности писателя этой внешней опорой было его ориентированное на Запад диссидентство. Но духовной борьбе и научному поиску Солженицына никакие внешние политические силы не могли дать точку опоры, укрепить внутреннюю свободу писателя.

Солженицын видел смысл русской истории в народе и его прошлом, в его культуре и традиции, но не знал, как придать этим понятиям такое звучание, которое по актуальности и силе было бы сопоставимо с «Архипелагом ГУЛАГом». Корпус текстов и выступлений Солженицына, которые посвящены репрессиям и прочим недостаткам советской истории, условный «Архипелаг», зацепился сначала за антисталинский советский дискурс, затем за антисоветскую пропагандистскую машину и поэтому активно продвигался. Но к чему прицепить саму Россию?

При всей своей нелюбви к советской власти, доходящей порой до оправдания коллаборационизма и готовности использовать поддержку Запада в борьбе с ней, Солженицын не мог пойти на то, чтобы то же самое делать по отношению к исторической России: мыслить о ней полностью в либеральном ключе как о колонии и периферии западной мировой системы, в которую нужно просто импортировать идеи из западной культуры, превращая Россию в бледную франшизу поздней «современности». Но еще на порядок сложнее, чем победа над советским левиафаном, представлялась задача выйти за рамки мировой модернистской и постмодернистской культуры, подняться над секулярным Западом и найти свою самостоятельную точку опоры.

Нельзя сказать, что Солженицын мог быть чем-то обиженным на Запад. Наоборот, он был им обласкан, награжден престижными наградами, окружен знаками почета и уважения. Однако то, что Запад идеологически довлеет порой более фундаментально, чем советская цензура, Солженицын не мог не ощущать. Постмодернизм, которому следовал мейнстрим западной культуры и политики и заложником которого во многом был сам Солженицын, мешал размышлениям о ценностных категориях, ограничивая творческий поиск примитивными, нетворческими методами – деконструкцией и запретом запрещать, – уничтожающими гуманитарную, а тем более историософскую мысль. Становиться рядовым деконструктором Солженицын не хотел.

В своем творчестве он планомерно двигался в сторону критики культурного и духовного состояния Запада, не позволяя себе, однако, такой же агрессивности и беспощадности, как в случае с критикой СССР.

Мысль о том, что Запад несет не меньшую ответственность за трагедию в СССР и в мире в XX веке, четко звучала уже в «Размышлениях над Февральской революцией», которые так и не стали частью «Красного колеса». В этом эссе Солженицын однозначно выступил против Февраля 1917 года, тогда как в западной советологии нормативный, доминирующий и наиболее распространенный подход оправдывал Февраль. На Западе «демократический» Февраль противопоставлялся «репрессивному» Октябрю, воспевался как либеральный путь преобразований по европейскому образцу и объявлялся необходимым и спасительным для царской России.

Выступая против Февраля, Солженицын выступал, по сути, против любых прав либерализма на российскую прописку. В «Размышлениях» мы читаем: «В нашей незрелой и даже несостоявшейся февральской демократии пророчески проказалась вся близкая слабость демократий процветающих – их ослеплённая безумная попятность перед крайними видами социализма, их неумелая беззащитность против террора». И дальше: «Февраль-

ской революцией не только не была достигнута ни одна национальная задача русского народа, но произошёл как бы национальный обморок, полная потеря национального сознания... Тут, быстротечно, сказала модель опять-таки мирового развития. Процесс померкания национального сознания перед лицом всеобщего «прогресса» происходил и на Западе, но – плавно, но – столетиями, и развязка ещё впереди» [6].

Попытка назвать сам революционный метод порочным, осудить нигилизм и богоборчество как дух любой революции постепенно поднимала Солженицына над политическим противостоянием левых и правых, позволяя ему не разделять Россию на царскую и советскую и причины ее бед видеть не в самой русской природе, а в какой-то внешней по отношению к русской культуре неправде и несправедливости, с которой русский народ не сумел справиться накануне своих исторических трагедий. Эта мысль рефреном звучала во многих его статьях и выступлениях [см., напр., 7, с. 447].

Солженицын не создал подхода, который бы разделил коммунизм и советскость, историческую Россию и временные политические эксперименты, хотя движение в этом направлении можно найти в его творчестве. По факту метод автофобии Солженицына, уничтожающей критики, направленной на самих себя, оказался доминирующим в его творчестве. В странах мировой периферии со времен Просвещения критика собственной неполноценности, жестокости и отсталости всегда считалась признаком интеллигентности и прогрессивности. В этом смысле Солженицын был полностью «современным» (принадлежащим к культуре модернити) и мыслил системно, в том числе колониалистски. Он не нашел сил и времени полноценно подняться над антисоветизмом и перейти к критике «современности» – идеологии, которая включает западную секулярную культуру ровно в той же степени, что и коммунистическую. Коллективному Западу такой Солженицын был бы не нужен.

Этим была решена судьба «Красного Колеса», которая во многом повторяет творческую судьбу самого Солженицына. Не будет сильным преувеличением, если мы скажем, что сегодня, когда российское общество вспоминает столетие революции и столетие Солженицына, многотомный труд «Красное колесо» во многом является дополнительным приложением к коротким «Размышлениям над Февральской революцией», которые с недавних пор стали широко известны в России и часто цитируются. А те, в свою очередь, растворяются в мощном символизме «Архипелага ГУЛАГа». Так же и Солженицын, критически размышляющий об идеологии «современности», пока что является подмастерьем у Солженицына, борющегося с советским режимом и коммунистической идеологией.

«Архипелаг ГУЛАГ» создал политического Солженицына, который одномоментно достиг предельной высоты, и никакие другие произведения уже не могли к этой высоте что-либо добавить. Дальше нужно было аккуратно сохранять достигнутый ресурс и пользоваться им. Как представляется, Наталия Солженицына старалась сделать так, чтобы своим дальнейшим творчеством Солженицын не выпал из круга избранных западной историей и не лишился этого политико-символического ресурса. Можно предположить, что, зная его характер, она считала, что с той же пылкостью он может начать бороться и против фундаментальных основ западных либеральных завоеваний. Ведь от «Размышлений над Февральской революцией» до антимодернизма и антисекуляризма – один шаг, который Солженицын настойчиво пытался сделать во второй половине своей жизни. Но внешние и внутренние причины оказывались сильнее его желаний.

Полностью отвергнуть власть «современности», как он отверг советскую власть, Солженицын так и не решился, слишком уж могучим выглядел оппонент. Поэтому в противостоянии с секулярной современностью он был не мятежником, а всего лишь системным оппозиционером, не выходящим за рамки допустимого.

Литература

1. Стенограмма обсуждения статьи Солженицына «Размышления над Февральской революцией» [Электронный ресурс] // Российская газета. 2007. 27 февраля / Режим доступа: <https://rg.ru/2007/02/27/stenogramma.html> (дата обращения: 25.12.2018).
2. *Soljénitsyne A. Réflexions sur la révolution de Février / french translation by Nikita Struve. Paris: Fayard, 2007.*
3. Февральские тезисы от Солженицына [Электронный ресурс] // Российская газета. 2017. 15 февраля / Режим доступа: <https://rg.ru/2017/02/15/11-sposobov-izbezhat-revolucii-uroki-istorii-ot-aleksandra-solzhenicyna.html> (дата обращения: 25.12.2018).
4. *Солженицын А.И. Двести лет вместе: в 2 т. М.: Русский путь, 2001–2002.*
5. Роман-эпопею Солженицына «Красное колесо» перевели на английский язык // Российская газета. Федеральный выпуск. 2017. № 190 (7356) / Режим доступа: <https://rg.ru/2017/08/24/roman-epopeiu-solzhenicyna-krasnoe-koleso-pereveli-na-anglijskij-iazyk.html> (дата обращения: 25.12.2018).
6. *Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией // Родина. Специальный выпуск. 2017. Февраль.*
7. *Солженицын А.И. Выступление во время вручения Темплтоновской премии (Гилдхолл, Лондон, 10 мая 1983 года) / А.И. Солженицын // Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1: Статьи и речи.*

Аннотация. Статья выдвигает гипотезу о том, что А.И. Солженицын в своем творчестве стремился перераста диссидентскую партийность и выйти из амплу советского правозащитного литератора, чтобы заниматься историософией и смотреть на политические события на большем отдалении. Автор утверждает, что полностью совершить этот путь в своем творчестве Солженицын не смог или не успел, поскольку ему мешали два фактора – зависимость от диссидентского движения и зависимость от идеологии «современности», принявшей форму глобальной западной культуры. В статье эти факторы раскрываются на примере истории создания «Красного колеса» и «Размышлений над Февральской революцией».

Ключевые слова: Солженицын, «современность», диссидентское движение, постмодернизм, антимодернизм, историософия.

Vasilij A. Shchipkov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of the International Journalism, MGIMO-University; Director, Russian Expert School. E-mail: vas.ship@mail.ru

Solzhenitsyn on the Way to Secular Modernity Criticism

Abstract. The article puts forward the hypothesis that A. Solzhenitsyn sought to overcome his affiliation with the dissident movement and his public role of the Soviet human rights defender in literature and to become big writer, thinker and historian engaged in unbiased historiography. The author claims that Solzhenitsyn could not or did not have the time to take this path in his creative work, because of two factors – his dependence on the dissident movement and his dependence on the ideology of modernity, which took the form of global Western culture. In the article these factors are examined using as examples two Solzhenitsyn's works – «Red wheel» and «Reflections on the February revolution».

Keywords: Solzhenitsyn, Modernity, Dissident Movement, Postmodernism, Anti-modernism, Historiography.